

Д 5
4-813

Проверено 1991 г.

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

Проф. М. П. Чубинский.

ЮБИЛЕЙ СУДЕБНЫХЪ УСТАВОВЪ

И

ЕГО ОТРАЖЕНИЕ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ.

Отдѣльный оттискъ изъ журнала «Юридическій Вѣстникъ» 1915 г.,
кн. X (II).

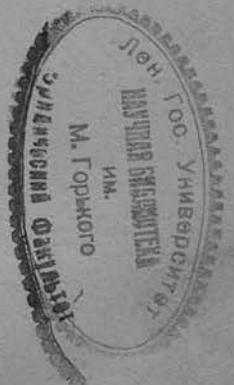
2061 к. у. г. н. р.

СПбГУ

МОСКВА.

—
1915.

СПбГУ

ТИПОГРАФІЯ Г. ЛИСНЕРА И Д. СОВКО.
Москва, Водвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.

Юбилей судебныхъ уставовъ и его отраженіе въ литературѣ.

(«Судебные уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесятъ лѣтъ», т. I—II, 1914, изд. министерства юстиціи.)

Неблагопріятный моментъ выпалъ на долю юбилейнаго дня судебныхъ уставовъ Императора Александра II; онъ совпалъ съ разгаромъ великой и грозной войны, которая естественно и властно приковываетъ къ себѣ все вниманіе страны, требуетъ энергичнаго напряженія ея силъ и отвлекаетъ отъ торжествъ и празднованій.

Но, независимо отъ этой внѣшней причины, была и причина внутренняя: со времени утвержденія судебныхъ уставовъ дѣйствительно прошло пятьдесятъ лѣтъ, но за эти пятьдесятъ лѣтъ духу и устоямъ судебныхъ уставовъ было нанесено столько тяжкихъ ударовъ, а судебная дѣйствительность такъ далеко ушла отъ когда-то намѣченныхъ и проводимыхъ въ жизнь идеаловъ¹⁾, что о радости и торжествѣ никакъ думать не приходилось, а уцѣлѣвшіе могикане судебной реформы въ юбилейный день, уносясь мыслью въ далекое прошлое, могли живо чувствовать лишь то, что чувствовалъ Марій на развалинахъ Каррагена.

И все же осталась знаменательная историческая дата; осталось сознаніе, что въ день утвержденія судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. была проведена вторая послѣ освобожденія крестьянъ грань между старой и новой Россіей, заложены были основы не только новаго судебного строя, но и новой русской гражданственности. На эту дату необходимо было дать откликъ — и его дали представители русской науки и русскаго общества. Маститый судебный дѣятель перваго призыва А. Θ. Кони выпустилъ книгу «Отцы и дѣти судебной реформы», гдѣ пересмотрѣлъ и дополнилъ рядъ глубокихъ по содержанію и мастерскихъ по формѣ очерковъ и портретовъ дѣятелей давняго и недавняго прошлаго; цѣлая группа криминалистовъ разработала и, частью, выпустила въ свѣтъ

¹⁾ См. Чубинскій, Статьи и рѣчи, т. II, 1912. («Судебная реформа» и «Судьба судебной реформы»); ср. I. Гессенъ, Судебная реформа; Джаншиевъ, Изъ эпохи великихъ реформъ («Судебная реформа») и др.

подъ редакціей М. Н. Гернета обширный научно-практической комментарий къ уставу уголовного судопроизводства; вышло въ свѣтъ начало огромнаго пятитомнаго труда, посвященнаго судебной реформѣ и разрабатываемаго цѣлымъ рядомъ русскихъ юристовъ подъ редакціей Н. В. Давыдова и Н. Н. Полянскаго¹⁾); наконецъ, русская адвокатура, объединившись въ лицѣ своихъ совѣтовъ и избравъ особую комиссію, выработала планъ капитальнаго пятитомнаго труда, который долженъ дать полную картину организаціи, исторіи и жизни присяжной адвокатуры, созданной судебными уставами; вышедшій въ свѣтъ 1-й томъ этого изданія «Адвокатура, общество и государство» имѣетъ законченный характеръ и въ общемъ удачно обрисовываетъ основные и наиболѣе существенные моменты поставленной задачи.

Но юбилей судебныхъ уставовъ вызвалъ не только общественный откликъ. На него откликнулось и министерство юстиціи, выпустившее посвященный уставамъ трудъ въ двухъ внушительныхъ томахъ большого формата, заключающихъ въ себѣ статьи и дополненныхъ затѣмъ третьимъ томомъ, содержащимъ списокъ судебныхъ дѣятелей перваго призыва, краткій ихъ біографическій словарь и хронологическій перечень узаконеній, на основаніи которыхъ измѣнялись судебные уставы. Дополненія справочнаго характера имѣются и при первыхъ двухъ томахъ.

Изъ приведенной нами обширной литературы мы въ настоящей статьѣ имѣемъ въ виду остановиться исключительно на изданіи министерства юстиціи. Это министерство является *de facto* и блюстителемъ и во многихъ отношеніяхъ хозяиномъ русскаго правосудія; черезъ него и весьма нерѣдко по его почину производились тѣ реформы, которыми въ судебные уставы были внесены рядъ существеннѣйшихъ измѣненій; оно даетъ тотъ тонъ, который (разъ господствуетъ типъ «послушныхъ» музыкантовъ) можетъ дѣлать реальную судебную музыку, а потому его изданіе, посвященное судебной реформѣ, конечно, заслуживаетъ большого интереса.

Задачу, поставленную себѣ изданіемъ, нельзя не признать чрезвычайно трудной. Если бы составители ограничились одной внѣшней исторіей, т. е. исторіей нормъ, вошедшихъ, какъ въ судебные уставы, такъ и въ послѣдовавшія за ними новеллы, то они могли бы быть здѣсь безстрастными лѣтописцами и задача ихъ весьма облегчилась бы. Но они предприняли нѣчто гораздо болѣе широкое: они задались цѣлью «изобразить съ возможной полнотой

¹⁾ Отъ редакціи. Къ сожалѣнію, редакція «Юридическаго Вѣстника» была лишена возможности освѣдомить читателей въ настоящей книгѣ съ содержаніемъ перваго тома этого изданія. Критическая оцѣнка его будетъ напечатана въ слѣдующей книгѣ.

причины и ходъ судебной реформы, а равно примѣненіе судебныхъ уставовъ и развитіе или измѣненіе институтовъ нашего процессуальнаго права въ теченіе истекшаго пятидесятилѣтія; они имѣли въ виду не только «доступность литературнаго изложенія», но и «серьезность научнаго изложенія, коимъ обусловлена и полная свобода научной критики». Итакъ, составители имѣли въ виду свободный трудъ, выясняющій не только внѣшнюю, но и внутреннюю исторію судебной реформы, и рѣшили объективно освѣтить и ходъ законодательства, и реальную судебную дѣятельность.

При указанной роли въ судебной жизни министерства юстиціи, выполненіе поставленной задачи въ министерскомъ изданіи, конечно, затруднялось тѣмъ, что, поскольку прошлое сохраняется въ настоящемъ, критика прошлаго являлась бы критикой этого настоящаго, т.-е. отчасти какъ бы самокритикой, а во-вторыхъ, тѣмъ, что оцѣнка судебной дѣятельности, затрогивающей важнѣйшія стороны нашей жизни, зависитъ отъ общаго принципіальнаго *specto*, обусловливается не только юридическимъ, но и политическимъ міровоззрѣніемъ, а потому въ коллективномъ трудѣ требуетъ не легкой достижимой гармоніи взглядовъ и убѣжденій отдѣльныхъ участниковъ. Недаромъ составителямъ пришлось указать на «старанія, приложенныя къ устраненію рѣзкихъ разногласій»; правда, они выражаютъ надежду, что въ концѣ концовъ разногласія сказались лишь «въ нѣкоторыхъ деталяхъ» и что «едва ли читатели найдутъ разногласіе при оцѣнкѣ главныхъ явленій жизни и дѣятельности нашего суда или совершенно лишнія повторенія», но, какъ мы увидимъ ниже, эта надежда далеко неполнѣ оправдывается.

Но, если на пути министерскаго изданія стояли большія трудности, то, съ другой стороны, оно имѣло и свои особо благоприятныя условія. Извѣстно, какъ важно и цѣнно для дѣла сочетаніе теоріи и практики, а къ участию въ изданіи были привлечены и представители науки (гг. Мокринскій, Познышевъ, бар. А. Э. Нольде) и практики (гг. Блиновъ, Гредингеръ, Мордухай-Болтовской и др.) и лица, сочетающія въ себѣ теоретиковъ и практиковъ (г. министр юстиціи И. Г. Щегловитовъ, гг. Берендсъ, Васьковскій, Ширковъ и др.). Затѣмъ не менѣе важной является свобода доступа къ необходимымъ матеріаламъ, особенно архивнымъ; эта свобода была широко обезпечена сотрудникамъ даннаго изданія. Въ то время, напримѣръ, какъ государственнй секретарь и министерство юстиціи «затруднились» открыть доступъ къ необходимымъ матеріаламъ І. В. Гессену, который, какъ представитель русской адвокатуры, писалъ ея исторію, передъ сотрудниками министерскаго изданія

гостеприимно раскрывались все двери, имъ были открыты все материалы, а сверхъ того для нихъ, какъ узнаемъ изъ предисловія къ изданію, «были сдѣланы многочисленныя выписки изъ документовъ и дѣлъ», «производились обширныя изысканія» въ архивахъ и библіотекахъ и даже «приводились въ порядокъ дѣлопроизводства» цѣлыхъ учреждений «за цѣлый рядъ лѣтъ». Посмотримъ теперь, что удалось создать составителямъ при указанныхъ особыхъ и благопріятныхъ и неблагопріятныхъ условіяхъ. Съ внѣшней стороны они дали памятникъ внушительный: свыше 1500 страницъ текста, не считая требовавшихъ кропотливаго труда приложеній, прекрасныя шрифты, бумага, печать и т. п. Здѣсь можно только пожалѣть о неудачно мотивированномъ отсутствіи портретовъ творцовъ и важнѣйшихъ дѣятелей судебной реформы; издатели говорятъ, что вмѣсто портретовъ и иллюстрацій они, какъ лучшее украшеніе труда, даютъ «текстъ указа 20 ноября 1864 съ царственной подписью Императора Александра II» и списокъ участниковъ судебной реформы», но остается совершенно непонятнымъ, почему портреты не даны наряду съ указанными высоко цѣнными приложеніями.

Есть и другой досадный дефектъ. Въ текстѣ изданія говорится между прочимъ и объ адвокатурѣ; ей удѣлено всего 30 страницъ изъ 1500, но все же удѣлено; въ списокъ же судебныхъ дѣятелей перваго призыва представители адвокатуры не включены. Это или совершенно непонятная оплошность или заслуживающая глубокаго осужденія тенденціозность. Министерство въ тотъ или иной историческій періодъ можетъ не жаловать адвокатуры, но приѣмнять терминъ «судебныя дѣятели» исключительно къ составу чиновниковъ судебного вѣдомства — значить смѣшивать понятія «судебной службы» и «служенія правосудію».

Обратимся теперь къ сторонѣ внутренней, т.-е. къ тому, какъ по существу оказались рѣшенными задачи, поставленныя себѣ составителями юбилейнаго изданія.

II.

Первая изъ задачъ заключалась въ томъ, чтобы дать картину дореформеннаго правосудія, показать, чѣмъ была вызвана судебная реформа, обрисовать все стадіи ея развитія и характеризовать ея значеніе. Въ новомъ юбилейномъ министерскомъ изданіи (которое впредь для краткости мы будемъ называть новымъ изданіемъ) историческая часть указанной задачи выполнена главнымъ образомъ въ обширныхъ статьяхъ гг. Блинова и Берендса; затѣмъ

отдѣльный и важный моментъ (вліяніе иностраннаго законодательства) освѣщается въ статьѣ И. Г. Щегловитова, а сверхъ того вводные историческіе экскурсы имѣются въ статьяхъ гг. Бразоля (о слѣдственной части), Гредингера (о прокурорскомъ надзорѣ) и Васьковского (объ адвокатурѣ)¹⁾.

Первая статья г. Блинова разбираетъ судебный строй и судебные порядки передъ реформой 1864 г., при чемъ разборъ начинается съ системы судебныхъ мѣстъ, созданныхъ въ 1775 г. Екатериной II Учрежденіемъ о губерніяхъ. Многие до г. Блинова писали объ этомъ, но онъ не ограничился компиляціей, пересмотрѣлъ полное собраніе законовъ, привелъ рядъ новыхъ и цѣнныхъ архивныхъ матеріаловъ, а потому далъ не мало свѣжихъ и интересныхъ штриховъ, заслуживающихъ вниманія. Это, а также серьезный научный тонъ изложенія, стремленіе къ полной объективности и продуманность выдвигаемыхъ положеній составляютъ большой плюсъ какъ данной статьи г. Блинова, такъ и второй его статьи, «Ходъ судебной реформы 1864 г.».

Отмѣтивъ какъ наиболѣе типичную черту мѣстнаго административнаго строя соединеніе въ лицѣ губернатора судебныхъ и административныхъ функцій, авторъ документально и подробно устанавливаетъ, что хотя губернаторы непосредственно почти перестали быть судьями, но не могло быть и рѣчи о какой-либо самостоятельности мѣстныхъ судебныхъ учрежденій, которыя всецѣло подчинялись «хозяину губерніи» — губернатору. Суды не только не пользовались независимостью, но сверхъ того жизнь оставляла далеко позади законъ, и «губернаторъ по большей части являлся полновластнымъ распорядителемъ какъ личнаго состава судовъ, такъ и всего хода судебныхъ дѣлъ на мѣстахъ» (стр. 7—13). Авторъ приводитъ не мало яркихъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о различныхъ злоупотребленіяхъ губернаторовъ, которые не считались съ предводителями и дворянскими собраніями, а не то что съ менѣе авторитетными представителями дворянства въ судахъ. Но едва ли авторъ правъ, когда въ сферѣ взаимныхъ отношеній губернатора и дворянства до 60-хъ годовъ громадный перевѣсъ въ удѣльномъ вѣсѣ усматриваетъ на сторонѣ губернатора и этимъ главнымъ образомъ объясняетъ нежеланіе итти въ судебную службу, а особенно въ засѣдатели судебныхъ мѣстъ со стороны наиболѣе

¹⁾ Къ сожалѣнію, соответствующихъ экскурсовъ не далъ г. Мокринскій въ своихъ статьяхъ о мировомъ судѣ и судѣ присяжныхъ. Здѣсь слѣдовало бы указать, съ одной стороны, какъ и кѣмъ до судебныхъ уставовъ разбирались маловажныя дѣла, и съ другой — какъ пришли къ суду присяжныхъ при подготовкѣ судебной реформы. Къ общимъ очеркамъ, даннымъ г. Блиновымъ и др., здѣсь были бы умѣстны спеціальныя дополненія.

состоятельных, независимых и образованных дворянъ. Указанное нежеланіе имѣло рядъ другихъ причинъ (стремленіе въ военную службу, традиціи, жалкіе оклады въ судахъ и отсутствіе почета къ судебному персоналу со стороны общества и т. д.), а о большой роли дворянства, съ которымъ рѣдко могъ справиться даже губернаторъ, свидѣтельствуютъ безчисленные случаи, когда предводители горой стояли, и стояли успѣшно, за дворянъ, подлежащихъ уголовному суду, и когда скука провинціальной жизни нерѣдко находила пищу для развлеченія въ проявленіи оппозиціи губернатору со стороны предводителей.

Въ общемъ всё основныя язвы дореформеннаго судебного строя авторъ намѣчаетъ вполне отчетливо. Тутъ и «милитаризація» управленія, благодаря которой военные (въ лицѣ генераль-адъютантовъ, флигель-адъютантовъ, жандармскихъ офицеровъ) постоянно командировались на ревизіи, слѣдствія и (прибавимъ мы) усмиренія и часто функционировали вмѣсто обычныхъ судовъ военно-судныя комиссіи съ примѣненіемъ суровыхъ законовъ военного времени; тутъ и слабость совѣстныхъ судовъ, и зависимость прежнихъ судей отъ ихъ канцелярій, и ничтожность окладовъ, и стоящія въ связи со всѣмъ этимъ взяточничество, вымотательство и волокита, и сложность инстанцій, и запутанность подсудности, и сложное и недостаточно авторитетное положеніе Сената и пр., и т. п. Правильнымъ слѣдуетъ признать и тотъ приемъ автора, что онъ излагаетъ не только законы, относящіеся къ судамъ, но и фактическое состояніе правосудія въ связи съ общимъ духомъ времени. Если глава русскаго правосудія, министръ юстиціи графъ Панинъ признавалъ «вреднымъ и опаснымъ для государства, если глубокое знаніе права будетъ распространено въ классѣ людей, не состоящихъ на государственной службѣ», если «состояніе правосудія находилось въ полномъ соответствіи съ прочими сторонами тогдашней жизни», если господствовали «официальная ложь и показная мишура», если «постоянная забота правительства объ усиленіи власти и сохраненіи внѣшняго порядка и покорнаго безмолвія заслоняла другія задачи управленія и при полномъ поглощеніи личности государствомъ создавалась благопріятная обстановка для чиновничьяго произвола» (стр. 29, 36—39), то не явится удивительнымъ ни отвратительное состояніе нашего правосудія, ни всеобщее отрицательное отношеніе къ этому правосудию. Идя по стопамъ другихъ изслѣдователей, авторъ рисуетъ картину правосудія и отношенія къ нему, пользуясь самымъ разнообразнымъ матеріаломъ, начиная съ актовъ и другихъ документовъ и кончая народными пословицами и изящной литературой.

Здѣсь автору мы сдѣлаемъ лишь два упрека: во-первыхъ, нѣкоторыхъ пунктовъ онъ коснулся слабо; во-вторыхъ, онъ лишь упомянулъ, что въ старыхъ судахъ домогались сознанія подсудимаго всякими способами, граничившими съ пыткой, и что здѣсь царила снисходительность къ привилегированнымъ и строгость къ подсудимымъ низшихъ состояній, близкая къ жестокости. Такимъ образомъ авторъ, который въ другихъ мѣстахъ сумѣлъ найти подробный и яркій матеріалъ, напримѣръ о ябедничествѣ и волокитѣ, здѣсь мягко и осторожно скользнулъ по пункту, который лишь слабо имъ намѣченъ и характеризованъ, тогда какъ, не говоря уже объ архивномъ матеріалѣ, одна наша изящная литература, въ лицѣ Пушкина, Гоголя, Салтыкова и др., а равно многіе писавшіе о старыхъ судахъ до автора (Ровинскій, Кони и др.) приводятъ факты форменныхъ пытокъ (виска, кормленіе селедками и недаваніе воды заключенному въ жарко натопленное помѣщеніе) и безчеловѣчной, порой виртуозной жестокости и издѣвательства надъ завѣдомо невинными. Пусть такіе порядки и не царили властно, но упомянуть о нихъ слѣдовало, какъ слѣдовало отмѣтить и многочисленные случаи расправъ въ административномъ порядкѣ, гдѣ фигурировали различныя жестокія кары, вплоть до пожизненнаго заточенія въ одинъ изъ каменныхъ мѣшковъ соловецкаго монастыря.

Второй упрекъ автору, который можно отнести къ обѣимъ его статьямъ, заключается въ томъ, что, пользуясь данными, которые уже до него были использованы другими (напримѣръ, Джаншиевымъ, I. Гессеномъ, Утинымъ, Филиповымъ и др.), авторъ систематически на нихъ не ссылается, хотя бы въ видѣ такъ называемой ссылки сравнительной. Мы вовсе не поклонники раздутаго въ смыслѣ цитатъ подвального этажа, но авторъ, отмѣчающій ссылками на документы то, что онъ вноситъ новаго, не долженъ затушевывать тѣхъ, кто работалъ до него въ той же области.

Заканчивающій первую статью очеркъ различныхъ проектовъ, направленныхъ къ реформѣ стараго судебного строя и принадлежащихъ какъ отдѣльнымъ лицамъ (Кочубей, Мордвиновъ, Балугьянскій, Тургеневъ и др.), такъ и группамъ (губернскіе комитеты по крестьянскому дѣлу, дворянскія собранія) написанъ съ большою полнотою и даетъ много новаго матеріала. Полностью доказано, что «общественная мысль и общественное познаніе давно переросли старый судебный строй» и что «коренная судебная реформа становилась неизбѣжной» (стр. 101).

Во второй статьѣ г. Блинова «О ходѣ судебной реформы» необходимо отмѣтить оцѣнку проектовъ Блудова и такъ наз. «соображеній» государственной канцеляріи до 1860 г., стоявшихъ въ связи

съ Блудовскими проектами. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ дѣйствительно важнымъ и спорнымъ вопросомъ, заслуживающимъ большаго вниманія.

По словамъ г. Блинова (стр. 105—138), большинство изслѣдователей данной эпохи не признаетъ за работами Блудова и его сотрудниковъ особо важнаго и существеннаго значенія, тогда какъ въ дѣйствительности такое отношеніе невѣрно и несправедливо, и, наоборотъ, докладъ кн. П. П. Гагарина и послѣдовавшее за нимъ Высочайшее повелѣніе о выработкѣ основныхъ началъ судебной реформы обычно, по мнѣнію г. Блинова, переоцѣниваются, при чемъ забывается, что эти начала были завершеніемъ предыдущихъ трудовъ, звеномъ непрерывной цѣпи, высшей ступенью послѣ того, какъ были пройдены низшія» (въ проектѣ Блудова).

Намъ кажется, что здѣсь имѣется налицо нѣкоторое недоразумѣніе. Г. Блиновъ совершенно правъ, когда онъ подчеркиваетъ важное значеніе Блудовскихъ проектовъ; убѣдительно и съ доказательствами въ рукахъ онъ говоритъ (и это его заслуга), что «въ значительной мѣрѣ благодаря этимъ проектамъ въ officialный оборотъ проникли и утвердились тамъ новыя юридическія понятія, отражавшія правовые идеалы тогдашняго общества», и что эти проекты «были не только полезной подготовительной работой, но и необходимой ступенью къ судебнымъ уставамъ 1864 г.». И дѣйствительно, предыдущая литература сравнительно мало обращала вниманія на эти факты, но она въ большинствѣ своемъ едва ли настолько умаляла значеніе Блудовскихъ проектовъ, какъ это кажется г. Блинову; она подчеркивала не отсутствіе внутренней связи между этими проектами и уставами¹⁾, а половинчатость, недодѣланность въ смыслѣ послѣдовательнаго проведенія извѣстныхъ важныхъ началъ и другіе недостатки, которые не ставились въ вину Блудову, а признавались неизбежными, ибо до освобожденія крестьянъ послѣдовательная судебная реформа въ либеральномъ духѣ являлась невозможной²⁾.

¹⁾ Мы не знаемъ, кого имѣлъ въ виду г. Блиновъ, говоря о «большинствѣ» изслѣдователей. Если до нѣкоторой степени онъ могъ имѣть въ виду Джаншиева, то ни Гессенъ, ни пишущій эти строки, ни другіе извѣстные намъ авторы, касавшіеся судебной реформы, не только «охотно», а вовсе не подчеркивали того, о чемъ говоритъ г. Блиновъ.

²⁾ Г. Блиновъ (стр. 122) не согласенъ съ господствующимъ мнѣніемъ (которое ведетъ начало отъ корифея судебной реформы Заруднаго), что безъ освобожденія крестьянъ не могло бы быть судебной реформы; онъ утверждаетъ, что «исторія знаетъ примѣры удовлетворительныхъ судебныхъ порядковъ и при существованіи рабства», но, не говоря уже о степени такой удовлетворительности, ясно, что такая судебная реформа, какая осуществлена, несомнѣнно была невозможна при существованіи крѣпостнаго права.

Но, если, несмотря на это недоразумѣніе, мы по существу разсматриваемаго вопроса считаемъ г. Блинова правымъ, то мы рѣшительно не можемъ съ нимъ согласиться¹⁾, когда онъ говоритъ о переоцѣнкѣ основныхъ положеній и отрицаетъ рѣзкій поворотъ въ ходѣ судебной реформы со времени повелѣнія о выработкѣ этихъ положеній.

Самъ авторъ отмѣчаетъ, что составители основныхъ положеній относились съ довѣріемъ «къ правовому сознанию, нравственному чувству и такту русскихъ людей», что они «не боялись рѣшительныхъ, радикальныхъ преобразованій» и что «огромное вліяніе» на ихъ работу оказали «вѣра въ человѣческую прогрессъ и уваженіе къ личности человѣка», соединенное съ «вѣрой въ знаніе, въ науку». Значитъ, прежде дѣло обстояло не совсѣмъ такъ; какъ же не говорить о поворотѣ въ ходѣ судебной реформы и гдѣ же переоцѣнка основныхъ положеній? Если мы вспомнимъ, что лишь съ даннаго момента особенно широко стали прибѣгать къ сокровищницѣ западнаго опыта и западной науки, тогда какъ раньше это былъ товаръ контрабандный; если мы прибавимъ, что впервые въ основныхъ положеніяхъ явились рѣшительное и строгое отдѣленіе судебной власти отъ административной, введеніе выборнаго начала для мировыхъ судей, суда присяжныхъ и рядъ другихъ началъ, которыя г. Блиновъ справедливо признаетъ «капитальными нововведеніями», — то и «поворотъ» станетъ совершенно яснымъ и мнимая перегородка окажется вѣрной оцѣнкой, къ которой лишь по недоразумѣнію не присоединился г. Блиновъ.

Въ остальныхъ частяхъ своего труда г. Блиновъ, тщательно дополняя своихъ предшественниковъ, рисуетъ ходъ судебной реформы, роль отдѣльныхъ ея дѣятелей и отношеніе къ реформѣ общества и печати. И когда въ концѣ этого труда авторъ усматриваетъ въ судебныхъ уставахъ «рѣшительный поворотъ отъ произвола, бездушія и узкаго формализма въ отношеніяхъ власти къ подданнымъ — къ признанію незыблемой силы закона и уваженію правъ человѣческой личности; когда онъ справедливо отмѣчаетъ, что «каждое посягательство на самостоятельность или достоинство уставовъ всегда вызывало неудовольствіе и искреннее огорченіе широкихъ общественныхъ круговъ», — то этотъ послѣдній аккордъ звучитъ въ полной гармоніи съ общимъ характеромъ его труда — спокойнаго, научнаго и достаточно объективнаго.

Къ сожалѣнію, чертами иного характера отличается трудъ другого сотрудника новаго изданія, проф. Берендса, посвященный

¹⁾ Равно какъ и съ I. В. Гессеномъ, который всецѣло присоединился къ взглядамъ на этотъ вопросъ г. Блинова и далъ даже еще болѣе рѣзкую формулировку.

характеристикъ судебной реформы и ея связи съ другими реформами императора Александра II. Здѣсь тонъ публициста-полемиста часто заглушаетъ тонъ спокойнаго научнаго изслѣдованія, и спорныя, и подчасъ весьма тенденціозныя, положенія идутъ рука объ руку съ категорически высказанными и порой совершенно недоказанными положеніями.

Въ то время, когда изслѣдователи судебной реформы дружно и за немногими исключеніями (напримѣръ, въ лицѣ покойнаго Фукса) сходятся въ томъ, что печальная судьба у насъ судебной реформы вызвана противорѣчіемъ между ея началами и всей прочей государственной системой, до 1905 г. незыблемо хранившей начала абсолютизма, г. Берендсъ категорически заявляетъ, что «не государственное устройство Россіи было помѣхой для правильнаго и цѣлесообразнаго устройства суда и его дѣятельности». И это говорится о Россіи, какой она была до реформы императора Александра II! Г. Берендсъ не считается съ тѣмъ, что представлялъ собою до этихъ реформъ нашъ государственный строй, хотя многія яркія черты этого строя указаны другими авторами въ томъ же изданіи, въ которомъ пишетъ свою статью г. Берендсъ; его единственная уступка заключается въ признаніи того, что дѣйствительно существовала необходимость предварить судебную реформу отмѣной крѣпостнаго права.

Но если въ защиту своихъ взглядовъ на совмѣстимость абсолютизма съ строго правовыми основами государственнаго строя и въ томъ числѣ съ вполне независимымъ судомъ авторъ могъ бы сослаться на единомышленниковъ въ наукѣ, особенно изъ временъ прошедшихъ, то дальше онъ идетъ болѣе самобытно, хотя и съ меньшей категоричностью. Въ своемъ ученомъ трудѣ онъ считаетъ возможнымъ, говоря объ русской интеллигенціи, именовать ее «такъ называемое интеллигентное общество», говоря о прогрессистахъ, онъ это слово ставитъ въ кавычки, но зато, когда рѣчь идетъ о «высшихъ слояхъ» того времени, то, касается ли дѣло судебной или крестьянской реформы, авторъ въ «колебаніяхъ и сомнѣніяхъ» указанныхъ слоевъ (которые, по вполне объективному историческимъ даннымъ, нерѣдко не только тормозили реформы, но и всѣми мѣрами боролись противъ нихъ) не хочетъ видѣть ни «упорнаго и близорукаго консерватизма», ни даже «эгоистическихъ корыстныхъ мотивовъ»; тутъ были лишь «опасенія, объясняющіяся различными и иногда основательными соображеніями» (стр. 287, 292, 295).

Понятно, что при такихъ исходныхъ тенденціозныхъ предположеніяхъ авторъ не можетъ съ симпатіей отнестись къ тѣмъ изъ

предшественниковъ, которые преклонялись передъ эпохой великихъ реформъ и рисовали безотрадными чертами наше дореформенное прошлое; они въ его глазахъ «не въ мѣру ревностные восхвалители реформенной эры» или «не въ мѣру усердные энтузіасты-хвалители эпохи реформъ». Въ частности, хотя авторъ признаетъ, что лишь съ шестидесятыхъ годовъ «отпали различные запреты дореформеннаго режима и юридическая наука въ Россіи могла развернуться», но въ то же время онъ не согласенъ съ тѣми, кто «преувеличиваетъ стѣсненія научной дѣятельности въ царствованіе Императора Николая I», и «утверждаетъ, что до эпохи реформъ въ Россіи не могла существовать юридическая наука, а существовало только казенное законовѣдѣніе». Авторъ побѣдоносно разбиваетъ носителей такой исторической концепціи, указывая на рядъ выдающихся профессоровъ-юристовъ какъ дореформенной эпохи, такъ въ особенности пореформенной. Казалось бы, на послѣднихъ и ссылаться нечего, но такъ какъ они или сами учились въ дореформенныхъ университетахъ или были учениками тѣхъ, кто въ то время тамъ учился, то и они привлечены для доказательства, что въ старыхъ университетахъ дѣло обстояло не такъ плохо (стр. 304—313).

Авторъ забываетъ, что дѣло вовсе не въ томъ, существовала ли въ дореформенной Россіи юридическая наука; конечно, какъ фактъ, она существовала. Вопросъ въ томъ, какого качества была эта наука, пользовалась ли она свободой сужденія и той критики, безъ которой истинной науки быть не можетъ. Безспорно, что дореформенная наука оставила нѣсколько крупныхъ юридическихъ именъ, но это были исключительно историки права и цивилисты; вся же область публичнаго права была исключена изъ сферы свободного научнаго изслѣдованія и вообще юридическая и философская мысль была поставлена въ такое положеніе, которое порою приводило въ ужасъ и отчаяніе современниковъ.

Г. Берендсъ охотно цитируетъ дневникъ извѣстнаго академика Никитенко. Если бы онъ внимательно перечиталъ его первый томъ, онъ нашелъ бы тамъ цѣлый рядъ данныхъ, рисующихъ ужасающее положеніе дореформенной науки и мысли. Если министръ Уваровъ могъ откровенно выражать желанія, чтобы русская литература «совершенно прекратилась», дабы онъ могъ «жить спокойно»; если опубликованіе записокъ иностранца объ эпохѣ Іоанна Грознаго могло влечь за собой цѣлый разгромъ всѣхъ причастныхъ къ дѣлу; если издавались распоряженія прочитывать на лекціяхъ соответствующіе отдѣлы свода законовъ безъ всякихъ теоретическихъ разсужденій, если тщательно, какъ нѣчто недопустимое, изгонялись философія и естественное право; если у такихъ умѣренныхъ

представителей науки, какъ Никитенко, вырвались такія фразы, какъ «Россія погружается въ варварство», «спасай кто можетъ свою душу», «сорокъ лѣтъ правилъ нами страхъ», «что же намъ остается дѣлать? Пить и развратничать? Бѣдное мое отечество!» и т. д., и т. п., — то казалось бы ясно ужасное воистину положеніе дореформенной науки и полная неумѣстность говорить здѣсь о какихъ-то «преувеличеніяхъ».

Въ такомъ же тонѣ черѣдко изъясняется проф. Берендсъ и въ другихъ мѣстахъ своего труда. Попытки идеализаціи дореформеннаго прошлаго (стр. 304), выпады противъ Чернышевскаго, Писарева и другихъ «глашатаевъ новаго, якобы передоваго направленія» (ibid.), заявленіе, что «расплодившіяся» въ 50-хъ и 60-хъ годахъ воскресныя школы «были использованы для пропаганды матеріализма, атеизма и социализма» (318), — все это обильно украшаетъ ученія изысканія проф. Берендса, опредѣляющія связь судебной реформы съ другими реформами и факторами жизни.

Онъ не говоритъ о реакціи, начавшейся тогда, когда еще не закончилось проведеніе реформъ въ жизнь; онъ не пытается всесторонне охарактеризовать причины, вызвавшія реакцію, а, поскольку эти причины выяснены исторической и историко-юридической наукой, онъ не желаетъ считаться со сдѣланными усиліями. У него своя философія исторіи, по которой новеллы къ судебнымъ уставамъ, искажавшія ихъ духъ и содержаніе, явились необходимыми, а главная вина во всемъ — лежитъ на передовомъ русскомъ обществѣ. Оказывается, что это общество съ презрѣніемъ относилось къ «идеалистическому философскому міровоззрѣнію 30-хъ и 40-хъ годовъ»; что «съ запада проникли въ Россію ученія, выросшія на почвѣ далеко несходной съ русской, и, какъ всегда, подражатели старались опередить оригиналы крайностями выводовъ изъ предпосылокъ непровѣренныхъ и на вѣру принятыхъ»; что эти идеи и ученія «отнюдь не соответствовали тѣмъ высокимъ нравственнымъ началамъ, изъ коихъ исходили крупнѣйшія изъ реформъ, въ томъ, числѣ и судебная», и что, такъ какъ народное образованіе не двинулось впередъ и не развилось въ той степени, какой «требовали нужды государства», то отсюда явился успѣхъ революціонной пропаганды, который далъ противникамъ послѣдовательнаго и неуклоннаго проведенія преобразовательныхъ признаковъ возможность и основаніе настаивать на дополненіи судебныхъ уставовъ нормами, не согласовавшимися съ основными ихъ началами» (стр. 304, 305, 310, 318, 319).

Не говоря уже объ односторонности и слабости въ смыслѣ доказательномъ приведенныхъ обобщеній, невольно бросается въ глаза,

что общество, не облеченное властью, тѣмъ не менѣе является виновникомъ слабыхъ успѣховъ народнаго образованія (которое въ дѣйствительности двигалось впередъ главнымъ образомъ благодаря носителю общественнаго начала — новосозданному земству), и что искаженіе судебныхъ уставовъ объясняется успѣхами революціонной пропаганды, тогда какъ въ той же книгѣ (см. выше у г. Блинова) приведенъ цѣлый рядъ данныхъ, свидѣтельствующихъ что противъ основъ судебныхъ уставовъ шли неустанные подкопы и во время ихъ составленія и съ первыхъ дней ихъ примѣненія, т.-е. тогда, когда ни объ успѣхахъ революціонной пропаганды, ни о террористическихъ актахъ не было и помину. Не удивимся мы и тому, что благопріятная и мотивированная оцѣнка основъ судебной реформы и въ томъ числѣ допущенія къ дѣлу правосудія народнаго элемента (г.г. Щегловитовъ, Блиновъ, отчасти Лазаренко и Мокринскій) у г. Берендса замѣнена краткой и голословной формулой, гласящей, что «допущенное участіе общественныхъ элементовъ, увы, скорѣе привело къ неблагопріятнымъ результатамъ».

Мы больше не будемъ останавливаться на данной статьѣ проф. Берендса; мы, кажется, достаточно доказали ея тенденціозность и допущеніе въ ней ненаучныхъ приѣмовъ, но въ то же время мы считаемъ долгомъ указать, что г. Берендсъ тамъ, гдѣ онъ прямо пишетъ на тему о связи судебной реформы съ другими реформами, даетъ порою интересный и нелишенный цѣнности матеріалъ и правильно освѣщаетъ этотъ матеріалъ, поскольку сюда снова не врывается его философія исторіи. Особенно подробно авторъ изложилъ связь судебной реформы и развитія законодательства о печати (стр. 319—343), хотя и здѣсь имѣются полемическія стрѣлы (стр. 323, 329, 336), если и недостаточно мѣткія, то во всякомъ случаѣ нелишенные яду. Особенно характерна скорбь автора, что «наше законодательство не приняло института принудительной дачи подъ присягой показаній объ авторѣ преступной статьи»; отсюда злоупотребленія, укрывательство за чужой спиной, безнаказанность истинныхъ виновниковъ и другія невыгодныя для правосудія послѣдствія. Казалось не мѣшало бы коснуться существа такой мѣры, какъ принудительное показаніе подъ присягой: вѣдь указываемые авторомъ печальные результаты (и даже еще болѣе важныя) имѣютъ, напримѣръ, мѣсто благодаря изгнанію изъ уголовного суда пытки, а вѣдь къ послѣдней проф. Берендсъ навѣрное относится съ полнымъ и глубокимъ отрицаніемъ.

Отдѣлъ, посвященный въ изданіи исторіи и характеристикѣ судебной реформы, дополняется статьей И. Г. Щегловитова, посвя-

щенной одному, но по существу весьма важному вопросу о размѣрахъ дѣйствительнаго вліянія иностранныхъ законодательствъ на составленіе судебныхъ уставовъ, значеніе которыхъ въ нашей общественной и государственной жизни авторъ прямо признаетъ «громаднымъ». Мы не можемъ полностью согласиться съ авторомъ, когда онъ говоритъ, что основной вопросъ, привлечшій его вниманіе, «не подвергался серьезному изслѣдованію въ нашей литературѣ»: на немъ подробно останавливался Джаншіевъ, очень сжато, но вѣско и доказательно, высказался по вопросу Фойницкій. Лучше было бы сказать, что вопросъ не изслѣдованъ съ достаточной полнотой и обстоятельностью. Для рѣшенія своей задачи авторъ привлекаетъ обширный сравнительный матеріалъ, какъ по вопросамъ судоустройства, такъ и по вопросамъ судопроизводства. Детальнымъ анализомъ юридическихъ институтовъ и отдѣльныхъ статей авторъ доказываетъ, что нормы, вошедшія въ судебные уставы, не только не являются плагиатомъ, но, напротивъ, многими и притомъ существенными чертами отличаются отъ соответствующихъ нормъ и порядковъ французскаго и англійскаго права, т.-е. тѣхъ единственныхъ образцовъ, которые подлежали учету и нѣкоторому подражанію во время составленія судебныхъ уставовъ. Какъ относительно устава уголовного судопроизводства, такъ и относительно устава судопроизводства гражданскаго, нельзя не согласиться съ авторомъ, что здѣсь не было слѣпонаго заимствованія и что все глубоко продумывалось и самостоятельно перерабатывалось (стр. 267—279). То же можно сказать и объ учрежденіи судебныхъ установленій, но здѣсь авторъ пошелъ нѣсколько дальше; онъ выдвинулъ положеніе, что «вліяніе иностранныхъ законодательствъ на строй нашихъ судебныхъ установленій сказалось самымъ отдаленнымъ образомъ», т.-е. лишь «въ той мѣрѣ, въ которой общечеловѣческое не можетъ не отражаться въ законодательствѣ каждой страны». Это положеніе намъ представляется крайностью, которую доказать нельзя; если авторъ справедливо указываетъ на цѣлый рядъ крупныхъ различій между нашей судебной организаціей, съ одной стороны, и французской и англійской— съ другой, при наличности которыхъ нельзя говорить ни о прямомъ заимствованіи, ни о слѣпомъ подражаніи, то нельзя отрицать, что имѣются и большія черты сходства, а равно и заимствованіе цѣлаго ряда важныхъ принциповъ, выработанныхъ западной мыслью и западнымъ правомъ и совершенно чуждыхъ нашей отечественной исторической почвѣ; проведеніе этихъ принциповъ умаляло самобытность нашей реформы и тотъ ея строго національный характеръ, который подчеркиваетъ И. Г. Щегловитовъ. Правда,

въ другомъ мѣстѣ (стр. 280) авторъ объясняетъ, что заимствовалось то, что «повелѣвается выработанными вѣками общечеловѣческими требованіями въ качествѣ основъ правосудія; требованія же эти, какъ золото, интернаціональны». Но разъ они «интернаціональны», то выполненіе ихъ не можетъ быть признано нашимъ національнымъ дѣломъ.

Въ дополненіе къ своей темѣ авторъ защищаетъ судебные уставы отъ упрека, что ими какъ бы создавалось «государство въ государствѣ». Здѣсь вѣско звучитъ указаніе на то, что «зависимое правосудіе не будетъ никогда правосудіемъ» и что «независимостью въ отправленіи правосудія всякій судья отличается отъ чиновника»; красиво и значительно, когда, имѣя въ виду освобожденіе русскаго общества отъ «дореформенной скверны», авторъ именуетъ судебные уставы не только «уставами обновленія», какъ именовалъ ихъ Плевако, но и «уставами освобожденія» (стр. 283—284).

Но, справедливо отмѣчая, что созданная судебными уставами независимость и несмѣняемость судей не дѣлаетъ изъ нихъ государства въ государствѣ, авторъ допускаетъ нѣкоторыя неточности и противорѣчія въ своемъ изложеніи. Сперва дается точное и исчерпывающее опредѣленіе независимости судьи — «судья имѣетъ передъ собой только: 1) дѣло, 2) законъ и 3) свою совѣсть», а дальше оказывается, что не только въ этомъ суть; судьи объявляются «весьма важной частью государственнаго механизма», что совершенно вѣрно и безспорно, но при этомъ подчеркивается, что они «суть прежде всего слуги государства, долженствующіе считаться съ общегосударственными интересами». Эта послѣдняя прибавка не отличается ясностью и вызываетъ недоумѣнія; не говоря уже о томъ, что подъ флагомъ подобныхъ мотивовъ у насъ неизмѣнно проводились законы, подрывающіе судейскую несмѣняемость (законъ 1885 г., разсужденія комиссіи Муравьева по пересмотру судебныхъ уставовъ и его вступительный докладъ государственному совѣту), что собственно можетъ означать выписанная нами формула? Или она значить, что «считаться съ общегосударственными интересами» судья долженъ только въ предѣлахъ закона, но тогда во избѣжаніе недоразумѣній это нужно прямо сказать; или же формула имѣетъ другой смыслъ, но тогда она разрушаетъ вышеприведенное исчерпывающее опредѣленіе несмѣняемости и вноситъ новый политическій элементъ.

Какъ видимъ, здѣсь моментъ опасный и можно привести по этому поводу небезынтересную историческую справку, которую мы находимъ въ томъ же новомъ изданіи у проф. Берендса (стр. 375). Говоря о власти губернатора, онъ отмѣчаетъ, что соблюденіе закона это—

2061 R 45 ПР

одно дѣло, а политическія задачи — другое, и что къ этимъ задачамъ прямо относится попеченіе о правахъ власти и о пользѣ государственной, которое, «въ особенности въ эпоху политическаго броженія», должно сосредоточивать на себѣ усиленное вниманіе, оттѣсня на второй планъ «соблюденіе закона».

III.

Вторая часть юбилейнаго изданія посвящена характеристикѣ основныхъ началъ и отдѣльныхъ вѣтвей новаго судебного строя и новаго судопроизводства. Эта часть является наиболѣе слабой въ изданіи: много элементарнаго, и потому малоинтереснаго, много пробѣловъ, много серьезныхъ дефектовъ, а порою односторонности и яркой тенденціозности, примѣры которой мы представимъ, на ряду съ тѣми данными, которыя свидѣтельствуютъ о положительной сторонѣ этой части.

Г. Лазаренко пишетъ объ основныхъ началахъ судоустройства Россіи за 50 лѣтъ въ сравненіи съ западно-европейскими государствами. Здѣсь есть много вѣрныхъ предпосылокъ и замѣчаній, много сравнительнаго матеріала, который приводится съ большой обстоятельностью и полнотой. Точное опредѣленіе понятія несмѣняемости дополняется справедливымъ замѣчаніемъ, что въ полномъ смыслѣ слова о независимости и несмѣняемости можно говорить лишь тамъ, гдѣ невозможны «никакія вліянія на совѣсть судьи» и, въ частности, никакое «давленіе со стороны государственной власти» (403—406); изъ сравнительнаго очерка сдѣланъ вѣрный выводъ, что судебные уставы дали нашимъ судьямъ въ отношеніи несмѣняемости «совершенно исключительное» положеніе на континентѣ Европы; столь же вѣрно, что новеллами въ этой области сдѣланы «существенныя отступленія» отъ начала несмѣняемости. Казалось бы, сказанное ясно, но авторъ хочетъ ослабить впечатлѣніе. Отмѣтивъ сходство порядковъ, установленныхъ новеллами, съ западными порядками (Баваріи, Пруссіи и Италіи), онъ приходитъ къ выводу, что сдѣланныя у насъ измѣненія были «государственно необходимыми», ибо нельзя давать «щита прикрытія» судьямъ, недостойнымъ своего званія. Авторъ понимаетъ, что опредѣленія, сходныя съ принятыми у насъ, справедливо въ доктринѣ называются «каучуковыми», но онъ, забывая въ данномъ случаѣ порядки Англіи и отчасти Франціи, заявляетъ, что «гибкость» соответствующихъ опредѣленій является «неизбѣжной», т.-е. оправдываетъ всѣ сдѣланныя здѣсь искаженія судебныхъ уставовъ. Далѣе, перенося центръ тяжести на составъ учреждений, которымъ предоставлено въ дисциплинар-

номъ порядкѣ лишать судей гарантіи несмѣняемости (у насъ — Высшее дисциплинарное присутствіе Сената и отчасти консультація министерства юстиціи, о которой авторъ не упоминаетъ), онъ отчетливо указываетъ недостатки нашихъ учреждений, но опять-таки сравнительными данными доказываетъ, что и во многихъ другихъ странахъ дѣло обстоитъ не лучше (418—424).

Авторъ здѣсь, какъ и въ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ о судебной карьерѣ, о судебномъ надзорѣ и т. д., оперируетъ преимущественно съ такимъ приѣмомъ: давъ подробный анализъ нашего порядка и не скрывая его недостатковъ, онъ затѣмъ приводитъ въ большей или меньшей мѣрѣ доказательства того, что на Западѣ существуютъ аналогичные дефекты, и на этомъ успокаивается. Онъ упорно забываетъ, что на Западѣ имѣется установившійся, частью строго конституціонный, частью даже парламентарный строй, и что при отвѣтственности министровъ, несоизмѣримо болѣе чѣмъ у насъ свободной прессѣ и въ силу всего этого, гораздо болѣе властномъ общественномъ мнѣніи, получаютъ такія гарантіи, при наличности которыхъ не такъ страшны «каучуковые» и «гибкія» опредѣленія закона.

О томъ, что изъ такихъ опредѣленій, при отсутствіи должныхъ гарантій, нерѣдко получается на практикѣ у насъ, авторъ могъ бы узнать изъ той же книги проф. Михайловскаго («Основные принципы уголовного суда»), которую онъ иногда цитируетъ; по вопросу, напримѣръ, о несмѣняемости тамъ указывается, что «несовмѣстимы съ достоинствомъ судейскаго званія» признаны и повлекли за собой кару такіе поступки, какъ участіе въ концертѣ въ качествѣ исполнителя, нежеланіе жить вмѣстѣ съ женой, отказъ жертвовать на патріотическія цѣли, непосѣщеніе церкви, дружба съ тѣми, кто состоитъ на счету политически неблагонадежныхъ, и т. п.

Между прочимъ авторъ излагаетъ законъ, дающій у насъ судебнымъ коллегіямъ право избирать и представлять кандидатовъ на открывающіяся судейскія вакансіи (457—458); здѣсь опять даются подробныя сравнительныя параллели съ Западомъ, но опять-таки мы не находимъ ничего о нашей дѣйствительности, которая показываетъ намъ, что вакансіи часто замѣщаются раньше, чѣмъ соберется общее собраніе соответствующаго судебного мѣста, и что почти никогда не получаютъ назначенія избранные кандидаты, разъ они не одобрены прокуратурой. Приходится порадоваться тому, что при общемъ обзорѣ вопроса о прохожденіи у насъ судебной карьеры все же указаны нѣкоторыя «значительныя несовершенства» существующаго порядка (460—461).

Такимъ образомъ, если у автора вѣрны заключительные выводы въ концѣ статьи и общая оцѣнка судебныхъ уставовъ, если его безспорный плюсъ составляетъ широкое и добросовѣстное изученіе сравнительнаго законодательства, то въ то же время приходится у него констатировать наличность серьезныхъ пробѣловъ и такую критику новеллъ и нашей судебной дѣйствительности, которая заставляетъ желать очень многого.

За общимъ очеркомъ г. Лазаренко въ юбилейномъ изданіи слѣдуютъ статьи гг. Мордухай-Болтовского и Ширкова.

Первая изъ нихъ («Гражданскій процессъ») написана сухо, но вполне прилично. Многочисленны экскурсы въ область нашего дореформеннаго процесса и параллели между нимъ и процессомъ по судебнымъ уставамъ. Мы ограничимся здѣсь лишь двумя замѣчаніями. Во-первыхъ, авторъ (528—530) преувеличиваетъ роль состязательнаго начала въ нашемъ старомъ процессѣ; здѣсь противъ него едва ли не *communis opinio* нашихъ цивилистовъ, а, вторыхъ, если авторъ вполне правъ, указывая между прочимъ на то, что въ современномъ гражданскомъ процессѣ сохранился за одной группой дѣлъ — дѣлъ казенныхъ управленій — «субъективно-привилегированный характеръ» (591—594), если вѣрно даже, что этотъ характеръ новеллами къ судебнымъ уставамъ нѣсколько ослабленъ, то рядомъ съ этимъ, намъ кажется, автору слѣдовало бы ярче отбѣнить нашу кассационную практику по дѣламъ частныхъ лицъ противъ казны и не обходить молчаніемъ нашу судебную дѣйствительность, при которой, какъ хорошо извѣстно всѣмъ, кому приходилось вести дѣла этого рода, положеніе истца почти всегда является очень нелегкимъ.

Элементъ сравненій съ западнымъ правомъ у г. Мордухай-Болтовского играть очень скромную роль, особенно если сопоставить его очеркъ съ очеркомъ г. Ширкова. В. П. Ширковъ даетъ «Очеркъ общихъ основаній нашего уголовного процесса». Въ своемъ изложеніи и онъ иногда, подобно многимъ другимъ участникамъ юбилейнаго изданія, анализируя статьи Уст. Уг. Суд., ни словомъ не касается нашей грустной практики (см. особ. стр. 648 и 653, 633), но онъ выгодно отличается тѣмъ, что иногда прямо указываетъ на «одіозный характеръ» нѣкоторыхъ толкованій и порядковъ (напримѣръ, стр. 639), иногда же, если и проходитъ безъ критики мимо такихъ фактовъ, какъ напримѣръ, предоставленіе права ограничивать гласность и публичность засѣданій не только суду, но и министру юстиціи, отмѣчая лишь (602) это «своеобразное постановленіе», то все же хранить объективность и не стремится съ помощью искусственныхъ пріемовъ оправдывать такія явленія, которыя по существу не подлежатъ оправданію.

Изложение у г. Ширкова идетъ очень неравномѣрно: мѣстами оно элементарно до-нельзя, мѣстами, наоборотъ, основательно, пространно и прочно обосновано. Особенно ясно и обстоятельно изложены существующія на западѣ ограниченія прокурорской монополіи обвиненія. Выводы и окончательный анализъ Уст. Уг. Суд. вѣрны и заслуживаютъ вниманія. Нашей слѣдственной части посвященъ очеркъ Б. А. Бразоля, въ которомъ дано и краткое, но обстоятельное историческое введеніе. Здѣсь читатель не найдетъ ничего особенно новаго, но онъ получаетъ въ общемъ внимательное и объективное изслѣдованіе. Вѣрно отмѣчено, что вліяніе прокуратуры на производство слѣдствія помогаетъ правосудію, если это вліяніе оказывается благожелательнымъ и правильно понимаемымъ; но авторъ указываетъ, что въ нашей практикѣ соответствующія взаимоотношенія часто слагались иначе, и справедливо опредѣляетъ хотя не всѣ причины даннаго нежелательнаго явленія, но по крайней мѣрѣ одну изъ важнѣйшихъ: «дѣйствіе инструкціоннаго порядка, не всегда стремившагося къ огражденію достоинства слѣдственнаго института и вызывавшаго въ печати иногда исполнѣ справедливыя нареканія» (т. II, стр. 91). Прибавимъ только, что, если такъ, то не исполнѣ понятно, почему авторъ категорически объявляетъ «ошибочнымъ» распространенный, какъ самъ онъ указываетъ, взглядъ о подавленности слѣдователей надзоромъ за ихъ дѣятельностью прокуратуры (95). Вообще важнѣйшіе недостатки нашего предварительнаго слѣдствія авторомъ вѣрно отмѣчены по матеріаламъ комиссіи сенатора Петерса и другимъ источникамъ, въ томъ числѣ и литературнымъ (последнихъ, впрочемъ, авторъ почти не указываетъ).

Въ частности заслуживаетъ вниманія тотъ подчеркнутый авторомъ фактъ, что порядокъ неутвержденія въ должностяхъ судебныхъ слѣдователей закономъ не санкціонированъ, стоитъ въ противорѣчьи съ духомъ судебныхъ уставовъ и однако при всемъ этомъ прочно укоренился (104—105). Справедливо порицается существующая практика перебрасыванія слѣдователей иногда изъ одного конца нашего обширнаго отечества въ другой и вообще такія назначенія, къ которымъ назначаемые не подготовлены знаніемъ особенностей уклада жизни, взглядовъ, обычаевъ и нравовъ населенія того края, куда они ѣдутъ на службу. Это дѣйствительно одинъ изъ важнѣйшихъ дефектовъ судебного строя при нашей громадной территоріи и нашей разноплеменности.

Въ концѣ статьи авторъ уясняетъ роль открытыхъ въ послѣдніе годы въ большихъ центрахъ кабинетовъ судебно-научной экспертизы. Роль эту онъ преувеличиваетъ и тонъ его здѣсь изъ спокойнаго становится дифирамбическимъ.

На тему «О прокурорском надзорѣ» дана статья г. Гредингера, рѣзко выдѣляющаяся своими отрицательными чертами, особенно же тенденціозностью, исключаяющей какую бы то ни было объективность.

Сравнительно съ уже существующей литературой авторъ даетъ очень мало новаго. Въ бѣгломъ историческомъ очеркѣ смѣшивается институтъ фискаловъ и институтъ прокуратуры. Тонъ всей статьи совершенно ненаучный; категоричность выраженій идетъ рука объ руку съ бѣдностью и даже порой полнымъ отсутствіемъ доказательствъ.

Если рѣчь идетъ о «недружелюбныхъ» отзывахъ по адресу прокуратуры, то эти отзывы объявляются «мало обоснованными», хотя и «хлесткими». По адресу такихъ корифеевъ русской литературы, какъ Салтыковъ и Толстой, бросается (227—228) ничѣмъ не подтвержденное обвиненіе въ томъ, что представителей нашей прокуратуры они изображали «въ одностороннемъ и каррикатурномъ видѣ». Философія исторіи г. Гредингера далеко оставляетъ за собой даже соотвѣтствующую философію г. Берендса: взявшійся за перо для научной статьи заслуженный юристъ-практикъ, не обинуясь, провозглашаетъ, что, разъ шла борьба съ крамолой, то усиленіе власти и вліянія административныхъ властей «въ ущербъ интересамъ законности» (sic!) явилось «необходимымъ» и прокуратура «вынуждена была подчасъ пассивно относиться къ такимъ дѣйствіямъ административныхъ властей, которыя не были основаны на законѣ» (233). Такихъ заявленій до сихъ поръ въ юридической литературѣ намъ встрѣчать не приходилось.

Въ общемъ односторонность и идеализація нашей прокуратуры у автора идетъ чрезвычайно далеко. Если указываютъ на быструю карьеру, которую у насъ дѣлаютъ черезъ прокуратуру, то это объясняется «главнымъ образомъ» личными достоинствами, талантами и знаніями чиновъ прокуратуры. Рѣчи о «прислуживаніи и низкопоклонничествѣ» вызваны завистью и суть лишь «тенденціозныя заявленія»; упреки въ томъ, что представители прокуратуры посягаютъ на независимость суда — «неосновательны и сильно преувеличены» (стр. 238—239, 242—243).

Не приводя никакихъ доказательствъ, авторъ далѣе даетъ широкія обобщенія, гласящія, что «въ громадномъ большинствѣ случаевъ» отношеніе прокуратуры къ органамъ печати «вдумчивое и осторожное», пониманіе прокуратурой своего назначенія — «правильное», а отсюда и со стороны общества къ прокуратурѣ имѣется «заслуженное уваженіе». Если же встрѣчается за послѣдніе годы отрицательное отношеніе къ прокуратурѣ, то это дѣло лишь «нѣкоторыхъ кружковъ» и «партій, стремящихся къ преступнымъ дѣ-

лямъ», ибо въ общемъ чины прокурорскаго надзора «свято исполняютъ свои сложныя и отвѣтственныя обязанности».

Но мы не находимъ у автора ни подробнаго научнаго анализа указанныхъ обязанностей, ни выясненія спорнаго и важнаго вопроса о соотношеніи въ дѣятельности прокурорскаго надзора началъ законности и цѣлесообразности, ни хотя бы упоминанія о тѣхъ высокиихъ началахъ, необходимость которыхъ въ дѣятельности прокуратуры не разъ ярко подчеркивалъ въ своихъ трудахъ А. О. Кони. За то мы находимъ какіе-то странныя намеки на чиновъ прокуратуры, которые, заботясь о похвалахъ «передовыхъ» кружковъ, «путемъ рекламированія самихъ себя и своей дѣятельности, иногда успѣвали создавать себѣ положеніе и вызывать поклоненіе всѣхъ, далеко стоящихъ отъ интересовъ правосудія, но жадно прислушивающихся къ анекдотическимъ и не всегда согласнымъ съ истиной элокурбаціямъ своихъ любимцевъ» (стр. 244).

Не будемъ искать, куда мѣтитъ эта тирада. Поставимъ точку и пойдемъ далѣе. Отъ прокуратуры естественно обратиться къ адвокатурѣ. О ней въ юбилейномъ изданіи писалъ извѣстный юристъ и авторъ крупнаго труда «Организація адвокатуры» Е. В. Васьковскій; отъ его статьи можно было ожидать многого, но она даетъ рядъ разочарованій. На пространствѣ 30 страницъ бѣгло и съ неизбѣжными при такомъ объемѣ статьи громадными пробѣлами авторъ даетъ и дореформенный періодъ, и организацію адвокатуры, и исторію ея развитія, и исторію законодательства о ней, и ея оцѣнку, при чемъ нѣсколько страницъ отошло на весьма неблагоприятную оцѣнку положенія австрійской и германской адвокатуры.

Оцѣнка русской адвокатуры скорѣе походитъ на отходную, чѣмъ на оцѣнку; если у г. Гредингера прокуратура поставлена у насъ на высоту идеала, то у г. Васьковского оказывается, что наша адвокатура стоитъ, если не на краю гибели, то во всякомъ случаѣ «на наклонной плоскости». Не думаемъ, чтобы указанный параллелизмъ оцѣнокъ давалъ представление о дѣйствительномъ положеніи обоихъ институтовъ и скажемъ только, что такъ не пишутъ исторію. Если достойно сожалѣнія и не соответствуетъ требованіямъ научной объективности пользоваться только розовой краской, какъ это дѣлалъ г. Гредингеръ, то пользованіе одной черной краской для обрисовки сословія, которое при многихъ грѣхахъ имѣетъ большія признанныя заслуги, еще болѣе не можетъ быть одобрено. О грѣхахъ адвокатуры авторъ сказалъ кое что новое; въ остальномъ статья не отличается ни новизной, ни интересомъ¹⁾.

¹⁾ Болѣе подробный разборъ статьи г. Васьковского, въ связи съ новымъ трудомъ объ адвокатурѣ І. Гессена, мы даемъ въ другомъ мѣстѣ.

Адвокатура, мировые судьи, присяжные — все это представители общественного элемента въ судебномъ дѣлѣ. Адвокатурѣ, какъ мы видѣли, въ новомъ изданіи не повезло; посмотримъ теперь какъ обстоитъ дѣло съ двумя остальными элементами.

О «выборномъ мировомъ судѣ» статья написана проф. Мокринскимъ. Многое изложено здѣсь очень бѣгло; со многимъ трудно согласиться. Указывая, какъ много судей не доизбиралось въ первые годы введенія института, авторъ хочетъ доказать, что причиною этого былъ недостатокъ въ людяхъ, а не высокій цензъ. Намъ кажется, что нельзя отрицать и значеніе въ данномъ случаѣ ценза. Авторъ приводитъ общую цифру всѣхъ лицъ, обладавшихъ требуемымъ цензомъ и, такъ какъ она высока, то оказалось какъ будто людей съ цензомъ было достаточно; но для правильности вывода слѣдовало бы дать цифры по отдѣльнымъ губерніямъ и тогда оказалось бы, что, при крайне неравномѣрныхъ цѣнахъ на землю въ разныхъ губерніяхъ, уже въ 1864 г. цензъ для однихъ губерній оказался невысокимъ и здѣсь могъ быть избытокъ кандидатовъ, для другихъ же онъ былъ высокимъ и сыгралъ роль тормазы при выборахъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи, оцѣнивая составъ и дѣятельность мирового института, авторъ высказывается весьма пессимистически, такъ что становится непонятнымъ, почему же появлялись о мировомъ институтѣ, начиная съ судей перваго призыва, неоднократно и частные и официальные благопріятные отзывы и почему въ литературѣ и въ обществѣ давно живетъ убѣжденіе о популярности у насъ мирового института. Въ связи съ этимъ заслуги института у автора очерчены слабо, анализъ же его недостатковъ иногда грѣшитъ искусственностью.

О литературѣ вопроса и о своихъ предшественникахъ въ его разработкѣ авторъ почти не упоминаетъ. Мѣстами онъ пользуется новыми и не лишними интереса матеріалами, но выводы дѣлаетъ по большей части несущественные. Наиболѣе интереснымъ является въ статьѣ очеркъ отношеній между мировымъ институтомъ и администраціей и полиціей (стр. 24—34). Здѣсь даны яркіе примѣры, въ родѣ совершенно противозаконныхъ циркуляровъ орловскаго губернатора Лонгинова и рѣзкихъ бумагъ, исходившихъ иногда даже не отъ губернаторовъ, а отъ исправниковъ.

Вторая статья г. Мокринскаго посвящена одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ судоустройства — нашему суду присяжныхъ.

Рѣшая нѣкоторые вопросы, авторъ говоритъ, что «повидимому» было такъ (напримѣръ, стр. 117), а между тѣмъ можно было, углубившись въ вопросъ и его литературу, дать отвѣтъ вполне

опредѣленный. Затѣмъ, вмѣсто того, чтобы пользоваться обычной терминологіей и съ ея помощью разобрать спорный вопросъ о томъ, являются ли присяжные только судьями факта или же судьями вопроса о виновности въ полномъ его объемѣ, авторъ пользуется собственной менѣ ясной терминологіей и это не способствуетъ отчетливости изложенія.

Что касается существенныхъ пропусковъ, то ихъ очень много. Пропущено знаменитое отдѣленное рѣшеніе Сената, коимъ было признано, что защитникъ не можетъ просить у присяжныхъ оправданія сознавагося подсудимаго, ибо присяжные не имѣютъ въ этихъ случаяхъ права оправдывать; пропущено блестящее заключеніе уголовного департамента по поводу проекта Манасеина предоставить суду право отмѣны тѣхъ вердиктовъ присяжныхъ, коими оправданъ «явно виновный»; ни слова нѣтъ о постоянномъ уклоненіи чиновниковъ отъ несенія обязанностей присяжнаго путемъ представленія отъ начальства объ особыхъ служебныхъ порученіяхъ и командировкахъ; ничего существеннаго не сказано по столь важному предмету, какъ постановка вопросовъ присяжнымъ засѣдателямъ; мало вниманія автора привлекло постепенное сокращеніе у насъ компетенціи суда присяжныхъ и нѣтъ анализа причинъ этого сокращенія; ни слова о проектахъ слить присяжныхъ и судей въ одну коллегію и о специальныхъ присяжныхъ, проектированныхъ комиссіей Муравьева.

Громадная литература вопроса обойдена почти полнымъ молчаніемъ и въ частности не видно слѣдовъ пользованія капитальнымъ трудомъ Бобрицева-Пушкина «Эмпирическіе законы дѣятельности суда присяжныхъ въ Россіи». Словомъ, если нѣкоторыя стороны института присяжныхъ получили вѣрное освѣщеніе и если авторомъ привлечены нѣкоторые новые матеріалы, то въ общемъ, въ виду указанныхъ дефектовъ, значеніе труда г. Мокринскаго значительно умаляется.

Какъ бы дополненіемъ этого труда является статья И. Г. Щегловитова «Новыя попытки измѣнить постановку присяжнаго суда въ Западной Европѣ».

Здѣсь не можетъ быть признано аксіомой категорическое утвержденіе автора, что, если суду присяжныхъ будетъ передано сужденіе дѣлъ политическихъ, то этотъ день «будетъ началомъ гибели суда присяжныхъ въ Россіи»: во-первыхъ, опытъ многихъ культурныхъ странъ Запада говоритъ здѣсь противъ автора; во-вторыхъ, даже въ лагерѣ принципіальныхъ враговъ суда присяжныхъ раздаются отдѣльные голоса (напримѣръ, голосъ Энрико Ферри), которые требуютъ, чтобы судъ присяжныхъ по исключенію былъ

сохраненъ именно для дѣлъ политическихъ, включая сюда и дѣла печати, ибо именно этотъ судъ даетъ максимумъ независимости, особенно важной тамъ, гдѣ въ дѣло замѣшаны интересы власти; въ третьихъ, даже проекты комиссіи Муравьева, которую никто не заподозривалъ ни въ либерализмѣ, ни въ готовности жертвовать престижемъ власти, прямо намѣтили замѣну сословныхъ представителей специальными присяжными, въ руки которыхъ такимъ образомъ попали бы именно тѣ дѣла, порученіе которыхъ суду присяжныхъ И. Г. Щегловитовъ считаетъ гибельнымъ.

Писателей, раньше автора работавшихъ надъ той же темой, авторъ обходитъ нерѣдко полнымъ молчаніемъ, но по существу надо сказать, что тема разработана хорошо и обстоятельно; дано много фактовъ и привлеченъ разнообразный и обильный законодательный матеріалъ Запада. Иногда изложеніе дополняется экскурсами въ область русскаго суда присяжныхъ, причемъ пополнено кое что, пропущенное г. Мокринскимъ (напримѣръ, проекты Манасеина).

Нельзя не пожалѣть только, что въ серьезное и въ общемъ научное изложеніе вкраплены штрихи публицистически-полемическаго, а иногда даже личнаго характера (особенно стр. 161 и 162); они прямо не связаны съ темой, избранной авторомъ для изслѣдованія, и отъ ихъ отсутствія статья г. Щегловитова, несомнѣнно, выиграла бы.

Изъ дальнѣйшихъ институтовъ кассационной инстанціи посвящена статья г. Рейнке. Написана она сухо, но добросовѣстно и съ догматической точки зрѣнія вполне прилично. Дефектами статьи является, во-первыхъ, то, что, обстоятельно излагая матеріалъ, авторъ мало даетъ критики этого матеріала, а во-вторыхъ, то, что характеръ и направленіе кассационной дѣятельности Сената остались почти невыясненными, тогда какъ этотъ вопросъ, вопросъ о томъ, какіе элементы вносились кассационнымъ судомъ въ дѣло русскаго правосудія и опредѣляли и направляли нашу практику, нельзя не признать вопросомъ огромной важности и значенія. Вышняя же картина дѣятельности кассационныхъ департаментовъ, ихъ общаго собранія, высшаго дисциплинарнаго присутствія и соединенныхъ присутствій представлена авторомъ полно и снабжена цифровыми таблицами, охватывающими послѣдніе двѣнадцать лѣтъ и показывающими число засѣданій, количество дѣлъ поступившихъ, оконченныхъ и оставшихся до конца даннаго года нерѣшенными, и, наконецъ, число отмѣненныхъ рѣшеній.

Другой авторъ, г. Тарновскій, специально останавливается на статистическихъ данныхъ и даетъ весьма важную сводку цифрового

матеріала о дѣятельности нашихъ судебныхъ мѣстъ за 1866—1912 гг.

Авторъ печатаетъ рядъ графиковъ и діаграммъ, сопровождаемыхъ пояснительнымъ текстомъ. Путемъ систематизаціи огромнаго матеріала онъ выясняетъ переобремененность нашихъ судовъ и слѣдователей, рисуется движеніе дѣлъ, высоту репрессіи, примѣняемой различными категоріями судебныхъ мѣстъ, отмѣчаетъ измѣненія въ числахъ, вызываемыя измѣненіями подсудности и другими новыми законодательными мѣрами и т. д., и т. п. Г-нъ Тарновскій уже былъ извѣстенъ, какъ авторъ работы «Итоги уголовной статистики». Теперь къ этой работѣ дано цѣнное дополненіе, частью выясняющее на основаніи цифрового матеріала движеніе у насъ репрессіи, частью рисующее уголовно-процессуальную картину во всей ея сложности и многообразіи (конечно постольку, поскольку можно на основаніи цифръ дать эту картину).

Цифры г. Тарновскаго должны были быть дополнены характеристикой правотворческой дѣятельности новыхъ судовъ въ области гражданскаго и уголовного права.

О гражданскомъ судѣ далъ статью г. Васьковскій. Въ отличіе отъ статьи объ адвокатурѣ, данный очеркъ является цѣннымъ и глубоко продуманнымъ. Правотворческая дѣятельность нашихъ судовъ и въ особенности гражданскаго кассационнаго департамента охарактеризована путемъ самостоятельнаго анализа того громаднаго разъяснительнаго и созидательнаго дерева, которое выросло на весьма неважной почвѣ нашего цивильнаго законодательства, олицетворяемаго первой частью X т. Св. Зак. Въ основу оцѣнки авторъ кладетъ принципиальное рѣшеніе проблемы объ отношеніи суда къ закону; эта проблема является одной изъ наиболѣе спорныхъ и, по нашему мнѣнію, авторъ вѣрно ее рѣшаетъ, отвергая какъ «рабское подчиненіе суда буквѣ закона», такъ и «абсолютную свободу судебного правотворчества». Онъ находитъ, что «между этими двумя противоположными дорогами, почти одинаково гибельными для нормальнаго развитія гражданскаго оборота, имѣется средній вполне безопасный и удобный путь: система относительной свободы правотворчества, или восполненія пробѣловъ по общему смыслу дѣйствующихъ законовъ»; эта система, не лишая судъ необходимой самостоятельности, все же «предписываетъ ему опредѣленный курсъ и снабжаетъ его компасомъ» (стр. 379).

Съ этимъ критеріемъ въ рукахъ авторъ разбираетъ правотворческую дѣятельность судовъ и Сената, какъ въ области матеріальнаго, такъ и въ области процессуальнаго права. Этотъ разборъ, гдѣ не замалчиваются никакіе дефекты (см. особ. стр. 407—411),

сдѣланъ можетъ быть съ оттѣнкомъ излишняго оптимизма въ оцѣнкѣ причинъ, вызвавшихъ тѣ или иныя отклоненія отъ «ком-паса», указанного самимъ же авторомъ, но въ общемъ чрезвычайно дѣльно и доказательно.

Правотворческой дѣятельности уголовныхъ судовъ посвятилъ свою работу проф. Познышевъ. Работа распадается на части, которыя трудно признать равноцѣнными. Въ двухъ первыхъ частяхъ, авторъ, если и не даетъ чего-либо совершенно новаго, то все же въ общемъ правильно изображаетъ благотворное вліяніе судебной реформы на уголовно-правовыя воззрѣнія народа, на отношеніе общества къ той борьбѣ, которую власть ведетъ съ преступностью (стр. 414—428) и на дальнѣйшее развитіе нашего уголовного законодательства (428—447), но когда авторъ переходитъ къ оцѣнкѣ творчества новыхъ судовъ и особенно уголовного кассационнаго департамента Сената въ области уголовного права и процесса, здѣсь оказываются самые существенные дефекты. Во-первыхъ, авторъ хранитъ гробовое молчаніе о существующей литературѣ, хотя наша юридическая печать изъ году въ годъ слѣдила за практикой вообще и сенатской въ особенности, отмѣчая, какъ ея положительныя, такъ и ея отрицательныя стороны. Во-вторыхъ, авторъ на девять десятыхъ приводитъ лишь рѣшенія семидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, когда еще довольно прочно стояло зданіе судебныхъ уставовъ и живъ былъ духъ, ихъ проникавшій. Поэтому, строя свои выводы почти исключительно на данныхъ этого періода, авторъ дѣлаетъ такую общую оцѣнку дѣятельности уголовного кассационнаго департамента, которая едва ли подтвердилась бы, если бы авторъ коснулся временъ новыхъ и новѣйшихъ. Поразительно, но фактъ, что въ статьѣ нѣтъ ни слова о толкованіи Сенатомъ статей новаго Уложения и въ частности той 129 ст., которая играетъ доминирующую роль въ судебной практикѣ со времени вступленія въ силу части новаго Уложения. Игнорируются и новыя разъясненія вопроса о соучастіи и многія другія соотвѣтствующія новшества послѣднихъ лѣтъ разъяснительной практики.

При толкованіи процессуальныхъ нормъ авторъ, какъ и при разборѣ толкованія нормъ матеріальнаго права, неизмѣнно является оптимистомъ. Сколько, напримѣръ, писалось о запутанности практики по дѣламъ о вызовѣ свидѣтелей, сколько было указаний на противорѣчивость сенатскихъ разъясненій по этому вопросу и на систематичность въ одномъ — въ отступленіи отъ прямого смысла статей 575—577 и 640 Уст. Уг. Суд., а между тѣмъ и здѣсь г. Познышевъ, приведя лишь нѣсколько рѣшеній, не усматриваетъ ничего иного, кромѣ «заботливости Сената о правахъ подсудимаго» (стр. 458).

Неудивительно поэтому, что даже такія явленія, какъ противорѣчивость и измѣнчивость кассационныхъ рѣшеній, авторъ объясняетъ причинами, лежащими внѣ уголовного департамента (стр. 465), а въ общей оцѣнкѣ правотворчества судовъ и особенно Сената указываетъ лишь на «ширину» и «яркость». При указанныхъ условіяхъ работа г. Познышева едва ли можетъ быть признана полной, объективной и убѣдительною.

IV.

Третій и послѣдній отдѣлъ юбилейнаго изданія состоитъ всего изъ двухъ статей; первая принадлежитъ перу бар. Нольде, вторая—перу г. Берендса, который во второмъ томѣ названнаго изданія далъ статью «Вліяніе судебной реформы 1864 г. на государственный и общественный бытъ Россіи»; частью здѣсь авторъ соприкасается съ вопросами, затронутыми въ его первой статьѣ, и однимъ угломъ съ разобранной уже нами статьей г. Познышева.

Вторая статья г. Берендса написана нѣсколько спокойнѣе и объективнѣе, чѣмъ первая. Довольно подробно и мѣстами интересно авторъ очерчиваетъ вліяніе судебной реформы на усиленіе начала законности, на ростъ общественной этики, на общественный бытъ, а отчасти и на социальныя отношенія, на укрѣпленіе начала равноправія, на темпъ и характеръ общественной жизни, а также на развитіе матеріальнаго права и ростъ юридической науки.

Но все же и здѣсь г. Берендсъ не отрѣшился ни отъ своей философій исторіи, ни отъ находящейся въ связи съ этимъ крайне односторонней оцѣнки разсматриваемыхъ имъ явленій, ни отъ бездоказательной фразеологіи. Въ однихъ отдѣлахъ, гдѣ авторъ былъ болѣе объективнымъ, этихъ недостатковъ меньше. Такъ, отмѣчая препятствія къ развитію въ Россіи законности, авторъ, видѣливъ причины, коренившіяся въ нравахъ и понятіяхъ общества и народныхъ массъ, указываетъ (хотя и въ косвенной формѣ) на причины, связанныя съ порядками управленія, гдѣ имѣли мѣсто и «вспышки властной энергіи» и частыя «крутыя перемѣны» взглядовъ правительства, т. е. въ сущности, прибавимъ мы, отсутствіе принципиальности и послѣдовательности (стр. 712); объясненіе появленія и характера новеллъ дается довольно подробное и мѣстами обоснованное и тутъ же сейчасъ являются и «зловѣщіе признаки пониженія уровня общественной этики» и «зараженіе нигилизмомъ молодежи» (725—726); благоприятно характеризуется дѣятельность присяжныхъ крестьянъ въ первое десятилѣтіе послѣ реформы и сейчасъ же

является неожиданное объясненіе въ томъ направленіи, что они (крестьяне этого періода) «чтили вѣру предковъ», что ихъ «не успѣло еще коснуться тлетворное вліяніе атеизма и матеріализма» и т. д.

Въ другихъ отдѣлахъ дѣло обстоитъ хуже. Опять проходитъ передъ нами «общество, охотно принявшее самый пошлый и вульгарный матеріализмъ и политическій радикализмъ» (707), выступленіе въ новое время «враждебныхъ государству темныхъ силъ», «преднамѣренное и пристрастное» описаніе Толстымъ въ «Воскресеньѣ» суда и его порядковъ (785) и т. п., и опять неизмѣнно отсутствуютъ необходимыя разъясненія, хотя бы того, напримѣръ, какія именно силы авторъ признаетъ враждебными государству; отсутствуютъ и доказательства въ видѣ точнаго и подробнаго анализа фактовъ, оправдывающихъ брошенные рѣзкіе эпитеты.

Въ заключеніе не можемъ не указать еще на одинъ крайне странный штрихъ. Авторъ, финансистъ по специальности, беретъ на себя оцѣнку русскихъ криминалистовъ и даже рѣшается дѣлать ихъ на разряды. Въ первый разрядъ попалъ между прочимъ Сергѣевскій, котораго, при безспорной его талантливости, все же ни одинъ специалистъ не сравняетъ, какъ это сдѣлалъ г. Берендсъ, по ученымъ заслугамъ съ Таганцевымъ и Фойницкимъ; во второй же разрядъ — криминалистовъ «приближающихся» къ первой категоріи «по заслугамъ, но неравныхъ имъ» помѣщенъ такой признанный и крупный представитель криминальной науки, какъ А. Ф. Кистяковскій, важнѣйшіе труды котораго выходятъ и послѣ его смерти повторными изданіями и въ свое время были названы «классическими». Но, что курьезнѣе всего, рядомъ съ Кистяковскимъ поставленъ Демченко, а, такъ какъ авторъ самъ заявилъ, что онъ не называетъ молодыхъ и еще живыхъ криминалистовъ, то, очевидно, онъ имѣетъ въ виду не нынѣ здравствующаго и еще молодого криминалиста Г. В. Демченко, а его покойнаго отца В. Г. Демченко, который былъ въ свое время виднымъ ученымъ, но не криминалистомъ, а цивилистомъ, о чемъ г. Берендсъ, какъ видно, и не подозрѣваетъ, хотя и взялъ на себя роль высшаго судіи русскихъ криминалистовъ.

Теперь, чтобы заключить нашъ обзоръ, мы должны остановиться на обширной (стр. 481—706) статьѣ бар. А. Э. Нольде, посвященной двумъ капитальнымъ вопросамъ, которые другими сотрудниками юбилейнаго изданія, если бѣгло и затрогивались, то часто получали весьма одностороннее освѣщеніе. Первый вопросъ — «Отношенія между судебными и административными властями», второй — «Судьба основныхъ началъ судебныхъ уставовъ въ позднѣйшемъ законодательствѣ».

Мы не можемъ кратко исчерпать богатаго содержанія этихъ статей. Въ нихъ ярко и строго документально авторъ рисуешь многочисленныя и многолѣтнія столкновенія суда съ администраціей и посягательства второй на права перваго, пререканія по вопросамъ о преданіи суду должностныхъ лицъ, гдѣ энергія и настойчивость членовъ судебного вѣдомства нерѣдко не приводили къ желательнымъ результатамъ, столкновенія между судомъ и вѣдомствами военнымъ и духовнымъ; авторъ отбѣняетъ значеніе для нашего судебного дѣла тѣхъ чрезвычайныхъ полномочій, которыми все болѣе и болѣе стали облекать высшихъ представителей администраціи, переломъ въ отношеніяхъ власти къ основнымъ началамъ судебной реформы, особенно послѣ 1881 г., ограниченіе гласности, несмѣняемости, компетенціи суда присяжныхъ и т. д., при чемъ особо красочнымъ является заключительный очеркъ, посвященный судебно-административной реформѣ 1889 года.

Благодаря вполне научному характеру изслѣдованія въ немъ нѣтъ ни преувеличеній, ни бездоказательныхъ утвержденій, ни рѣзкихъ полемическихъ выпадовъ, ни искусственной идеализаціи стараго дореформеннаго судебного строя, ни дифирамбовъ по адресу судебной современности и ея дѣятелей. Но зато имѣется немало новаго.

Въ частности отмѣтимъ, что бар. Нольде во многихъ мѣстахъ его труда умѣло использованы до сихъ поръ мало привлекавшіе вниманіе «матеріалы, собранныя для Высочайше утвержденной комиссіи о преобразованіи губернскихъ и уѣздныхъ учреждений». Благодаря этому удалось болѣе полно освѣтить тенденціи многихъ губернаторовъ, стремившихся открыто къ тому, чтобы «дѣятельность судовъ, въ случаяхъ, имѣющихъ тѣсную связь съ благосостояніемъ края (т.-е., прибавимъ мы, во всѣхъ случаяхъ, когда будетъ угодно администраціи), подлежала бы извѣстному контролю и направленію губернатора» (стр. 496—497). Легко себѣ представить, что случилось бы съ реформированнымъ русскимъ правосудіемъ, если бы подобныя домогательства полностью были удовлетворены, и если, къ счастью, этого не случилось, то все же, какъ справедливо отмѣчаетъ бар. Нольде, присланные въ 1870 г. по запросу министра внутреннихъ дѣлъ губернаторскіе отзывы о судебной реформѣ сыграли большую роль; съ нихъ началась борьба противъ выборныхъ судей и другихъ основъ новаго суда и эта борьба въ дальѣйшемъ дала обильные результаты (стр. 500 и др.). Содержаніе этихъ отзывовъ авторомъ подвергнуто тщательной и справедливой оцѣнкѣ, благодаря которой уяснены многіе вопросы, оставшіеся въ юбилейномъ изданіи открытыми или мало освѣщенными.

Далѣ мы находимъ вѣрное указаніе на то, что у насъ «административная гарантія превзошла по своему объему все то, что было извѣстно въ Западной Европѣ», и исторію фактическихъ результатовъ существованія этой гарантіи (533—552). Отмѣчено также чрезвычайно важное постановленіе комитета министровъ въ 1876 г., свидѣтельствующее о томъ, что взгляды правительства сильно измѣнились, и что «право суда на оцѣнку распоряженій административныхъ властей перестало быть той непререкаемой истиной», какой оно казалось въ первые годы судебной реформы.

Переходя къ объясненію факта появленія многочисленныхъ новеллъ, вносившихъ существенныя измѣненія въ судебные уставы, авторъ справедливо говоритъ, что въ восьмидесятыхъ годахъ «либеральныя теченія утратили кредитъ и голосъ недовольныхъ ими приобрѣлъ большую силу. Видные представители охранительнаго направленія получили непосредственное вліяніе на внутреннюю политику» (606). Наилучшей иллюстраціей къ сказанному является документальное выясненіе авторомъ роли Каткова и «Московскихъ Вѣдомостей».

Прослѣживая дальнѣйшія судьбы судебной реформы, авторъ отмѣчаетъ какъ то, что мѣстами въ эти годы «судебная власть оказалась подъ реальнымъ вліяніемъ административной», такъ и то замѣчательное мѣсто въ рѣчи Муравьева (сказанной имъ при вступленіи на постъ министра), гдѣ прямо былъ подчеркнутъ новый лозунгъ, гласившій: «Дѣятельность судебной власти всегда должна быть строго согласованной съ намѣреніями и видами правительства» (627). Мы думаемъ, что въ прямую связь съ этимъ лозунгомъ можетъ быть поставлено то пониманіе независимости и несмѣняемости судей, которое также указано бар. Нольде и которое собранная Муравьевымъ комиссія по пересмотру судебныхъ уставовъ формулировала въ словахъ: «Правительство должно имѣть возможность вліять на составъ лицъ, которымъ ввѣряется судебная власть, и направлять ихъ дѣятельность соотвѣтственно интересамъ цѣлаго государства» (629).

Прекраснымъ заключительнымъ аккордомъ труда бар. Нольде является очеркъ исторіи, дѣятельности и высоты правового пониманія судебно-административныхъ учреждений; приведенныя здѣсь иллюстраціи порой похожи на анекдоты, такъ курьезны и нелѣпы нѣкоторые приговоры земскихъ начальниковъ, но эти иллюстраціи взяты изъ подлинныхъ документовъ и непререкаемо свидѣлствуютъ о горькой дѣйствительности, которая и теперь можетъ имѣть мѣсто тамъ, гдѣ по прежнему правосудіе еще находится въ рукахъ судебно-административныхъ властей.

V.

Обзоръ юбилейнаго изданія министерства юстиціи нами законченъ. Теперь можно подвести нѣкоторые краткіе итоги. Мы скептически отнеслись въ началѣ нашей статьи къ увѣренности издателей въ томъ, что имъ удалось устранить повторенія и сгладить существенныя разногласія при оцѣнкѣ главныхъ явленій жизни и дѣятельности нашего суда; мы указывали и на трудность въ министерскомъ изданіи дать истинно научный и свободный трудъ, вполне объективно освѣщающій ходъ законодательства и нашу реальную судебную дѣйствительность на пространствѣ всего истекшаго пятидесятилѣтія.

Законченный теперь нами разборъ доказываетъ, что нашъ скептицизмъ и наши опасенія находятъ опору въ содержаніи юбилейнаго изданія.

Прежде всего мы наталкиваемся на рядъ повтореній у г. Блинова и г. Бразоля они есть въ очеркѣ исторіи и первыхъ шаговъ слѣдственнаго института, мѣстами они встрѣчаются у г. Блинова и г. Щегловитова, когда оба автора касаются западныхъ вліяній на судебныя уставы и у того же г. Блинова и г. Берендса, когда рѣчь идетъ объ отношеніи новыхъ судовъ къ дворянству и духовенству; то же замѣчается, когда рѣчь идетъ о значеніи мирового института и у г. Мокринскаго, и у г. Берендса, и у г. Познышева.

Число примѣровъ можно было бы увеличить, но мы не считаемъ особенно важнымъ указанный дефектъ, а потому обратимся къ другому дефекту, глубокому и серьезному.

Оказывается, что между сотрудниками юбилейнаго изданія не было гармоніи ни въ области ихъ общеполитическаго, ни въ области научнаго стедо. Отсюда рядъ самыхъ существенныхъ разнорѣчій. Если ихъ меньше, когда рѣчь идетъ о прошломъ, то и тамъ они попадаютъ: далеко не совпадаютъ, напримѣръ, оцѣнки дѣятельности мирового института въ первые годы реформы у г. Мокринскаго и у г. Познышева, оцѣнки суда присяжныхъ у г. Щегловитова и у г. Берендса. Даже оцѣнка нашего дореформеннаго прошлаго, съ одной стороны, и степени совершенства великой судебной реформы, съ другой, отличаются существеннымъ разнообразіемъ. Одни ясно сознаютъ всю неприглядность указаннаго прошлаго (напримѣръ, г. Блиновъ), другіе (напримѣръ, г. Берендсъ) и сюда вносятъ моменты нѣкоторой идеализаціи; одни высказываются какъ безусловные поклонники тѣхъ великихъ началъ, которыя были положены въ основу судебной реформы, другіе — допускаютъ существенныя оговорки, третьи — прямо оправдываютъ и при-

знаютъ «необходимыми» тѣ новеллы, которыя прямо посягали на устой судебной реформы».

Но есть въ юбилейномъ изданіи дефекты еще болѣе существенныя. До сихъ поръ въ специальной литературѣ господствовалъ взглядъ, что въ области нашего суда произошла существенная эволюція, что далеко пошелъ процессъ разрушенія судебныхъ уставовъ, и что во многихъ отношеніяхъ печальна наша судебная дѣятельность.

Юбилейное изданіе, прямо поставившее себѣ широкія научныя задачи и объявившее своимъ руководящимъ началомъ объективность и свободную критику, должно было или съ доказательствами въ рукахъ поколебать этотъ взглядъ, или къ нему присоединиться. Но ни того, ни другого не случилось, а многочисленные примѣры нами приведенные, съ очевидностью доказываютъ, что у нѣкоторыхъ сотрудниковъ юбилейнаго изданія наблюдается не объективность, а, наоборотъ, яркая тенденціозность, соединенная съ цѣлымъ рядомъ очень рѣзкихъ, но не подкрѣпленныхъ необходимыми доказательствами заявленій и утвержденій.

Если дана болѣе или менѣе полная исторія судебныхъ уставовъ, основныхъ началъ созданнаго ими правосудія и позднѣйшихъ новеллъ, то за то нѣтъ ни цѣльной характеристики прошедшаго перелома, ни уясненія той эволюціи, которая произошла въ нашей судебной дѣятельности вообще и съ начала восьмидесятыхъ годовъ — въ особенности.

Прошло пятьдесятъ лѣтъ со времени утвержденія судебныхъ уставовъ, и читатель, который обратится къ юбилейному изданію узнаеть, чѣмъ былъ нашъ судъ, но не получитъ точной и объективной картины того, чѣмъ онъ сталъ. По однимъ вопросамъ онъ найдетъ умолчаніе, по другимъ — разнорѣчіе, по третьимъ — анализъ отрицательный (адвокатура, отчасти судъ присяжныхъ), по четвертымъ, наоборотъ, безмѣрную идеализацію (прокуратура). Цѣльной и объективной картины нѣтъ.

И тѣмъ не менѣе мы не можемъ полностью согласиться съ І. В. Гесеномъ, который въ своей рецензіи юбилейнаго изданія говоритъ, что оно имѣетъ большое публицистическое значеніе, но что «его историческое значеніе едва ли будетъ признано серьезнымъ и немного прибавить къ имѣющейся уже печатной разработкѣ вопроса».

Во-первыхъ, въ изданіи имѣются отмѣченные нами статьи, за которыми должно быть признано безусловное историческое и вообще научное значеніе. Во-вторыхъ, въ изданіи дано много сравнительнаго матеріала изъ области иностранныхъ законодательствъ,

при чемъ по нѣкоторымъ вопросамъ этотъ матеріалъ отличается полнотой, не оставляющей почти ничего желать. Въ третьихъ—изданіе даетъ много новаго и порой весьма цѣннаго архивнаго матеріала, съ которымъ необходимо будетъ считаться всѣмъ послѣдующимъ изслѣдователямъ.

Такимъ образомъ, какъ ни велики дефекты юбилейнаго изданія и какъ ни прискорбны допущенные въ немъ не только публицистическіе, но и прямо тенденціозные моменты, нѣкоторое историческое и научное (въ догматическомъ отношеніи) значеніе новаго изданія должно быть признано.

Проф. М. П. Чубинскій.

СПбГУ

СПбГУ

СПбГУ

02003832

ЮФ СПбГУ